

3. Иванов, Р. Ф. Франклин / Р. Ф. Иванов. – Москва : Мол. гвардия, 1972. – 255 с.
4. Куропятник, Г. П. Советская литература по истории США / Г. П. Куропятник, И. А. Белявская // Советская историографическая наука от XX к XXII съезду КПСС: история Западной Европы и Америки : сборник статей / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; [редкол.: акад. Н. М. Дружинин (гл. ред.) и др.]. – Москва : Изд-во АН СССР, 1963. – С. 128–150.
5. Радовский, М. И. Автограф Вениамина Франклина / М. И. Радовский // Исторический архив. – 1956. – №4. – С. 259–260.
6. From Benjamin Franklin to Richard Bache, 2 March 1778 // The Papers of Benjamin Franklin : in 43 vols. / ed. by William B. Willcox. – New Haven : Yale University Press, 1959–2018. – Vol. 26. – P. 9–10.

Каиль М.В.

ПРАКТИКИ СОВЕТСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ДИПЛОМАТИИ СЕРЕДИНЫ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. В ИСТОЧНИКАХ ЛИЧНЫХ ФОНДОВ ЦЕРКОВНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ¹

В практике изучения истории Русской Православной Церкви (РПЦ) послевоенного периода преобладают сюжеты государственно-церковных отношений: реконструируются различные формы административного контроля и влияния на православные институты органов власти. При этом в тот же период времени существовало направление деятельности, в котором усилия церковно-иерархических структур и государства были сонастроены. Этим направлением была внешнеполитическая деятельность, в которую РПЦ активно была включена с момента «сталинского поворота» в вероисповедной политике 1943 г. [6; 8, с. 19–40].

Исследования данной проблематики немногочисленны. Абсолютное их большинство строится на хорошо известных и в целом введенных в научный оборот источниках из фонда Совета по делам РПЦ (Ф. Р-6991 Государственного архива Российской Федерации). Эти материалы служили основой для крупных документальных публикаций, отчасти или полностью посвященных участию РПЦ в международных отношениях и дипломатии советского времени [7; 9; 10]. Источники «государственного» и ведомственного происхождения – ведомственная переписка, постановления, официальные отчеты и служебная переписка с достаточной полнотой представляют институциональный уровень освещения внешнеполитической проблематики. Подобные материалы отложились и в фондах высших и центральных органов советской власти. Так, на протяжении многих лет реальным актором в принятии решения о любом зарубежном выезде представителей церкви выступал Совет народных комиссаров (Совет министров) СССР – соответствующие материалы отложились (весьма не сконцентрировано) в фонде Совмина (Ф.Р-5446 Государственного архива Российской Федерации).

Большим значением в раскрытии проблематики международной деятельности Московской Патриархии обладают материалы Архива Внешней политики РФ, а также в корпоративных архивах Русской Православной Церкви (прежде всего, Архива Отдела Внешних церковных сношений РПЦ, созданного в апреле 1946 г.). Если первых из названных – архив включенный в структуру современного МИДа существенно ограничивает доступ исследователей к своим материалам, то архив ОВЦС все недоступен исследователям, его материалы доселе не введены в научный оборот даже отчасти.

В этой связи встает задача компенсации информационного потенциала корпоративных архивов РПЦ. И логичным ответом на этот вызов является обращение к частным (персональным) архивам и фондам церковных деятелей, участвовавших в реализации внешнеполитической деятельности Московского Патриархата и, опосредованно, – советского правительства.

К числу первого поколения таких деятелей относились глава церковной дипломатии (по должности председателя ОВЦС) митрополит Николай Ярушевич (1946–1960) и представители высокообразованного старшего поколения иерархов – такие как митрополит Григорий (Чуков). В церковно-дипломатическую деятельность послевоенного пятнадцатилетия (связанного с эпохой Ярушевича в ОВЦС).

Со сменой руководства Совета по делам РПЦ под нажимом правительства меняется и руководитель ОВЦС. Последующее поколение церковных дипломатов составил круг иерархов и священнослужителей сформировавшихся вокруг нового лидера отечественной церковной дипломатии митрополита Никодима (Ротова, 1929–1978), руководившего ОВЦС до 1972 г.

Личных фондов митрополитов Николая (Ярушевича) и Никодима (Ротова) находящихся на государственном хранении нет. Их служебные архивы отложились в корпоративном архиве РПЦ – в ОВЦС и не доступны исследователям. Что побуждает к поиску материалов, посвященных активным участникам церковно-дипломатической деятельности.

Разумеется, вне зависимости от персоны священнослужителя, действуют универсальные алгоритмы поиска персональной информации: в отношении родившихся и прошедших обучение «по духовному ведомству» до 1917 г. они достаточно универсальны и требуют обращения к архивам Синода, архи-

¹Подготовлено при поддержке Российского Научного Фонда, проект № 19-78-00120.

вам епархиальных органов управления (консисторий и епархиальных советов – с 1917 г.). Но подобные поиски могут позволить сконцентрировать лишь персональные данные и ограничиваются лишь фрагментами служебной документации, формулярными списками и т.п. рассредоточенными историческими свидетельствами. Такие отдельные персональные материалы не отражают всей полноты служебной деятельности, мировоззрения, этико-эстетические взгляды персоны. Следует отметить, что именно международная деятельность представителей церкви середины – второй половины XX в. частично освещена документами Совета по делам РПЦ и иных правительственных структур, в том числе непосредственно Совмина СССР. Но подобные материалы, позволяя реконструировать частично или полностью, в зависимости от хронологии периода и персоны, историю международных контактов, миссий и поездок персоны, не несут всей полноты информации о личности, впечатлениях, событийном и эмоциональном фоне, сопряженных с поездками и свершаемыми миссиями.

На сегодняшний день известны и частично введены в научный оборот лишь несколько личных фондов деятелей Русской Православной Церкви, участвовавших в международном служении Московской Патриархии. Одним из ярчайших иерархов Русской Православной Церкви второй половины XX в. был митрополит Питирим (Нечаев, 1927–2003). Его личный фонд, недавно переданный в Научно-исследовательский Отдел рукописей РГБ, – уникальный пример полноты документального сопровождения персональной истории и служебной деятельности иерарха. С 1945 г., с первых месяцев патриаршества Алексия (Симанского), Константин (светское имя до принятия монашества) стал патриаршим иподиаконом, что выделяло его среди сокурсников и сулило высокую церковную карьеру. Окончивший в 1951 г. академию, Константин был оставлен профессорским стипендиатом и начал преподавать историю и разбор западных исповеданий [1, л. 4–28]. В 1952 г. патриархом рукоположен в диакона, в конце 1954 г. – во священника, но не был отправлен на приход, а приписан к патриаршему крестовому храму. Великим постом 1959 г. в Троице-Сергиевой Лавре пострижен в монашество с именем Питирим в честь епископа Питирима Тамбовского (о родстве, с которым говорила семейная традиция). Далее следовал стремительный взлет – возведение патриархом в сан архимандрита и назначение инспектором академии и семинарии. С начала 1962 г. архимандрит Питирим был назначен ответственным редактором «Журнала Московской Патриархии», в мае 1963 г. избран епископом Волоколамским, викарием Московской епархии (патриарха) с назначением председателем издательского отдела Московской Патриархии.

В первые заграничные поездки будущий архипастырь отправился еще в середине 1950-х гг. в составе сопровождающих патриарха (разумеется, это было связано со служением патриаршим иподиаконом, а затем и священником патриаршего храма в Переделкино). В ту пору каждый заграничный выезд согласовывался на самом высоком уровне – Советом Министров и утверждался лично И. Сталиным. Такой уровень генерализации, проверок и согласований приводил к тому, что имеющий опыт загранкомандировок попадал в группу благонадежных, которых предлагали и для последующих поездок и миссий. Так сложилось и у будущего митрополита. По мере развития его церковной карьеры он становился востребован в качестве церковного дипломата на каждой из ступеней своего служения. Участвуя в организации первых межхристианских совещаний, он вносил предложения главе церковной дипломатической структуры – Отделу внешних церковных сношений митрополиту Никодиму (Ротову) по лучшим форматам организации площадок таких форумов [5]. В будущем он много способствовал развитию издательского дела, по сути став создателем медийно-издательской сферы Московской Патриархии, более 30 лет руководил Издательским отделом патриархии. В 1960-е – 1970-е гг. владыка Питирим совершил десятки международных поездок, сопровождал двух патриархов (Алексия и Пимена) в церковных визитах в различные страны Ближнего Востока, Европы, Азии, Африки [3]. В 1960-е гг., став архиереем, Питирим занял свое заметное место в практической церковной дипломатии: у нас нет всей полноты информации о динамике и персональном вкладе того или иного архиерея в международных коммуникациях, но владыка Питирим на протяжении трех десятилетий безусловно входил в топ-пятерку церковных дипломатов. Способствовало тому и то обстоятельство, что возглавляемый им Издательский отдел Московской Патриархии стал выполнять роль одной из витрин не только Русской Православной Церкви, но и Советского Союза, принимая десятки как церковных, так и светских туристических групп и миссий, посещавших Советский Союз.

Выполнение данной «фасадной» функции способствовало развитию самого Издательского Отдела и сопряженного с его деятельностью круга учреждений Московской Патриархии. О значимости этого направления работы говорит строительство отдельного здания и его передача отделу летом 1981 г. (заметим, эта масштабная акция не была связана с повесткой подготовки 1000-летия Крещения Руси, в рамках которой позднее создавались и передавались патриархии различные объекты в Москве, в частности, новая резиденция Патриарха и Синода – комплекс на территории Даниловского монастыря).

Документы, отложившиеся в фонде митрополита Питирима (НИОР РГБ. Ф.938), иллюстрируют как его многочисленные церковные миссии по миру, так и участие подчиненных ему структур патриархии в этой деятельности. Фонд владыки был передан НИОР РГБ вскоре после смерти владыки – в 2005 г. его внучатой племянницей. Фонд включает биографические и творческие материалы, документы связанные с многолетним преподаванием иерарха в Московской духовной Академии и Семинарии, включая документы от его обучения в стенах высшей духовной школы (а он входил в число первых студентов, пришедших в 1944 г. на Богословские курсы, преобразованные вскоре в МДАиС). Отдельный раздел документов составляют «Слова и проповеди», ряд из которых относился к его международной деятельности, включая официальные обращения. Один из первых таких документов особенно примечателен и представляет собой набросок речи, записанной на кувертной карточке с именем самого Питирима, обращенной Сербскому Патриарху Герману и произнесенной на приеме в октябре 1961 г. [2, л. 2]. Есть в наследии иерарха воспоминания и рассказы и даже записи снов, сделанные в разные годы, и имевшие для владыки очевидно большое духовное значение.

Значительное место в документальном корпусе занимают записные книжки и дневники. В каждую поездку владыка брал чистый блокнот различного формата и объема: иногда в нем делал предварительные записи (с краткими сведениями о том месте, куда он направлялся, пометки о графике, прошедших в поездке событиях и проведенных встречах, а по возвращении – бережно хранил в личном архиве). Эти материалы составляют основное и наиболее значимое наследие, фиксирующее международную деятельность архипастыря. При этом огромную проблему составляет трудночитаемый почерк (по поводу которого шутил сам его обладатель). Эти блокноты представляют с той или иной полнотой вероятно большинство поездок владыки в период с 1961 г. по конец 1980-х гг. (когда они сворачивались в силу текущей социально-политической повестки). А принимая во внимание наличие последнего еженедельника владыки 2003 г. с краткой записью о встрече по подготовке поездки в Иерусалим в апреле 2003 г. (эта символическая поездка в канун Пасхи на схождение Благодатного огня в Храм Гроба Господня в Иерусалиме стала последней в жизни владыки Питирима) [4, л. 24].

За десятилетия международной коммуникации владыка представлял РПЦ на заседаниях Всемирного Совета Церквей, проводившего свою форуму по всей планете, сопровождал в качестве члена официальных церковных делегаций патриархов Алексия и Пимена в поездках в Грецию, Индию, США и многие иные страны, выезжал на семинары и церковные форумы, в духовные учебные заведения, на культурные и деловые мероприятия.

Важно отметить и оценить, что коммуникации Московской Патриархии были одним из значительных векторов всей системы внешних коммуникаций Советского Союза. Понимая это, владыка Питирим открывал новые направления в деятельности Издательского отдела, в частности, организовывал и проводил международные выставки, сопровождая ими в том числе торгово-представительские переговоры, промышленные ярмарки и иные официальные мероприятия в интересах советского правительства за рубежом.

В Издательском Отделе и сопряженных с ним редакциях, студиях и секторах сформировался круг талантливых церковных людей, некоторые из которых оставили свое значимое для исследователей международной деятельности церкви документальное наследие.

Издательский отдел, возглавляемый владыкой Питиримом, безусловно был центром, аккумулирующим церковную интеллигенцию. Ряд сотрудников Отдела, так же как и владыка Питирим, оставили богатое документальное наследие и сформировали персональные фонды, которые ныне также являются уникальными документальными комплексами, изучение которых способствует исследованию международных коммуникаций Московской Патриархии постольку поскольку фондообразователи были вовлечены в эту деятельность.

Так, многолетний заместитель владыки Питирима в Издательском отделе архимандрит Иннокентий (Просвирин, 1940–1994) оставил свое архив, также ныне находящееся на хранении в НИОР РГБ (Ф.862). Высокообразованный и деятельный священнослужитель не только вел значительную часть коммуникаций отдела во второй половине 1980-х – первой половине 1990-х гг., но инициировал новые направления деятельности: издательские и коммуникационные проекты и мероприятия. В новых перестроечных и постсоветских условиях он установил взаимодействие с академическими и издательскими структурами. Но международных вектор в эту пору постепенно затухал – динамично менялись взаимоотношения, остро ощущались финансовые и ресурсные проблемы. Говоря о влиянии архимандрита Иннокентия на международную повестку, достаточно сказать, что в первой половине 1980-х гг. именно он инициировал вопрос о реконструкции «русского Афона», побывав там, составлял несколько аналитических материалов и обращений в правительственные структуры и церковному священноначалию (патриарху и Синоду) о мерах по возрождению российского присутствия на Афоне и инфраструктурному возрождению русского Пантелеимонова монастыря на Афоне.

Таким образом, очевидно, что персональные фонды церковных деятелей, вовлеченных в международную деятельность Московской Патриархии, дают массу сведений и уникальных документальных свидетельств, характеризующих практики международной работы, степень концентрации сил и ресурсов, характер и мотивы приоритизации тех или иных ее направлений. Особенно значимы данные документальные комплексы в связи с ограниченной доступностью для исследователей проблематики архива главной церковной институции, осуществлявшей международную деятельность, – Отдела внешних церковных связей.

1. Архив Московской духовной академии. Личное дело «Митрополит Питирим (Нечаев), профессор». – Л. 4–28.
2. Научно-исследовательский Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). – Ф. 938. Карт. 9. Ед. 6. Л. 2.
3. НИОР РГБ. – Ф. 938. Карт. 13. Ед. 23–25. ; Карт. 14. Ед. 15, 17, 18. ; Карт. 15. Ед.12. ; Карт. 16. Ед. 3 и др.
4. НИОР РГБ. – Ф. 938. Карт. 21. Ед. 4. Л. 24.
5. НИОР РГБ. – Ф. 938. Карт. 38. Ед. 27.
6. Васильева, О. Ю. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. / О. Ю. Васильева ; Рос. акад. наук., Ин-т Рос. истории. – М., 1999. – 212 с.
7. Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953. Документы российских архивов / под ред. Т. В. Волокитиной – М., 2009. – Т. 1–2.
8. Каиль, М. «Православный фактор» в советской дипломатии: международные коммуникации Московского патриархата середины 1940-х гг. / М. Каиль // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2017. – № 1. – С. 19–40.
9. Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945–1970 гг. / под ред. Н.А. Кривовой [и др.]. – М. : РОССПЭН, 2009. – Т. 1–2.
10. Советско-израильские отношения : сб. док. : [В 2. кн.]. – М. : Междунар. отношения, 2000. – Т.1, Кн. 2 : 1941–1953. – 558 с. + 551 с.

Козлов А.А.
ДОКУМЕНТЫ ОБЛЛИТОВ БССР КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА В ПЕРИОД «ОТТЕПЕЛИ»

Местные органы цензуры (обллиты) контролировали произведения литературы искусства в пределах своих областей, но в их документации подобные материалы редки. В основу исследования легли материалы делопроизводства обллитов БССР, которые хранятся в Национальном архиве Республики Беларусь (фонд 1195), Государственных архивах Гродненской области (фонд 1264), Витебской области (фонд 3991), Могилевской области (фонд 1195), Брестской области (фонд 794), Гомельской области (фонд 968). Многие документы были уничтожены, но научный потенциал сохранившихся источников достаточно высок.

Следует учитывать, что литературная и журналистская цензура не были основным занятием для Главлита. 80-90% его деятельности – проверка текстов на предмет охраны данных, являющихся государственной тайной [9, с. 129]. Однако работники цензуры искали и находили в текстах писателей «неправильного освещения» либо исторических событий, либо советской действительности. Например, в 1956 г. в повести А. Карпюка «Молодые годы», подготовленной в литературный сборник «Нёман» описывались события в Вильно в 1938 г. По предложению обллита была переделана фраза: «Віленскіе школы рыхтаваліся да свята умацавання памяці салдат, якія загінулі ў 1920 г. на вайне з бальшавікамі». Гродненский цензор снял этот текст на том основании, что Советская Россия с панской Польшей не воевала, а подверглась нападению с ее стороны. Как пример «невыдержанной критики» из сборника «В помощь художественной самодеятельности» цензорами Гродненского обллита был исключен рассказ Я. Брыля «Фамут». Персонаж рассказа – местный советский чиновник был показан грубым и глупым, что оказалось слишком ярким и близким к реальности [15, л. 108].

В 1959 г. Могилевский обллит пытался исключить из Быховской районной газеты «Сцяг працы» стихотворение У. Бушлякова «Ветлівая прадаўшчыца», в котором критиковалось обслуживание в советских магазинах. Но в Главлите сочли замечания местных цензоров недостаточно аргументированными. Следовало сообщать только о случаях конкретных фактов «невыдержанной критики», но не в Главлит, а в обком партии [9, л. 24].

Не только литература была объектом контроля местных органов цензуры. Ни одно художественное произведение не могло выпускаться без визы обллита. Выпуском произведений искусства занимались производственные мастерские [14, л. 17]. Мастерские имели разрешение на изготовление политической и художественной изобразительной продукции по специальным эталонам, утвержденные Главлитом СССР [4, л. 15]. При приеме портретов руководителей партии и правительства органы цензуры требовали точного сходства написанного портрета с имеющимся эталоном. Изопродукция сначала рассматривалась художественным советом, составлялся протокол, в который включались принятые художественным советом произведения, затем протокол подписывался директором мастерской [8, л. 20]. После в обллит предоставлялся протокол художественного совета, он